

18+

Юрий Слобода

TE,
КТО С КРЫЛЬЯМИ

Юрий Слобода

Те, кто с крыльями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51938985

ISBN 9785449859037

Аннотация

Книга о сильных духом и верящих в свою конечную цель. Именно об этом цитата из данного произведения. «Разбежалась жизнь по тропинкам и чащам. Снова продолжалась дремучая дорога. Со снующей глупой суетой. Хищным рысканьем и коварством с дерева. Утомляющей погоней. Стремительным взлетом и парением над холодными лесными озерами. И падением – последней точкой прожитого мгновения. После которого поднимаются в облака те, кто с крыльями».

Содержание

ТЕ, КТО С КРЫЛЬЯМИ

5

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Те, кто с крыльями

Юрий Слобода

© Юрий Слобода, 2020

ISBN 978-5-4498-5903-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ТЕ, КТО С КРЫЛЬЯМИ

«Разбежалась жизнь по тропинкам и чащам. Снова продолжалась дремучая дорога со снующей глупой суетой. Хищным рысканьем и коварством с дерева. Утомляющей погоней. Стремительным взлётом и парением над холодными лесными озёрами.

И падением – последней точкой прожитого мгновения. После которого поднимаются в облака те, кто с крыльями.»

Дремучая страна Забайкалье. Райский уголок каторжанина, где пугачевщина варит кулеш.

Зашло на огонек босое русское дворянство после Санкт-Петербургского бала похлепать горячей царской баланды с дороги. И распахать ледяную целину железными браслетами, отстегнув золотой эполет, как ризу с божницы.

Сердце Бестужева погребено у Гусиного озера Селенги. Остановился часовой механизм мятежной элиты... Сыграв в гусарскую рулетку с отечеством.

В те далёкие стародавние времена, когда только взялись за топоры перестройки предприимчивые мастеровые России, под ещё кумачовым полотнищем небес. И ещё не оперился в двуглавого орла первый честный частный олигарх...

Прелестница – романтика молодости, примадонна судьба, увлекла меня, уводя за горизонты...

Забайкалье – Сибирская Россия приняла хлебосольно с ядрёного мороза, угощая водкой в кочегарной мастерской. Где и художничали мы, вольные предприниматели от Мельпомены, создавали из утильной рухляди первый экзотический интерьер.

С ним я познакомился внезапно...

– Аркаша, – отрекомендовал себя мастер. – Четыре ходки в ЛТП. Там изучал камерную музыку и постигал азы живописи. Он снял рубаху, демонстрируя шикарную татуированную плоскость тела. В голубых пастельных тонах на реберном подрамнике красовалась панорамная живопись, корнями сосущая сердце. Лебединое болеро. На грудной клетке бился поэтический триптих душевного страдания – и синий парусник вдали... и бегущая по волнам...

– Стихи принимаешь?

Шершавая физиономия оскалилась в улыбку. Желтое око зверя выстрелило в упор дерзостью.

– Вступительный экзамен на вшивость?

– Вроде того.

– Я все принимаю, что для сердца.

Аркаша затянулся ядовитым дымом.

Я пододвинул стакан. Сквозь слюдяную льдинку окна слезила недокуренная планета. Холодным неоновым светом печального одиночества... Прокалывая булавкой сердце...

За какие грехи судьба-злодейка загнала его сюда в край ледяного холода? И он, как каторжанин, отбывал пожизнен-

ный свой срок...

Наяривал Аркаша, как гусяр Садко, после стопки. С уверенным мастерством рвал душу, натягивая жилы на ребра. Нутро хрипело и клубило жаром, как пекло, куда напрудили небесной лазурью архангелы. Маэстро гегемон виртуозно дирижировал ломом и киянкой. Играючи, подкуривал от сварочной искры, жадно поглощая угарный газ, как кислород, отряхивал пот с дубленой шкуры. Мороз шипел на шершавой коже. Красные пальцы выжимали из металла слезу. Творил за троих по смежным и перпендикулярным специальностям. В сухих хищных губах, изворачиваясь, шкварчала скомканная сигарка. Язык заглатывал ее, как монстр, оставляя на снегу черный блестящий плевок.

Аркаша выбивал осколки стеклянной искры из глаз, разминая белый позвоночник. Мороз известью припорошил брови. Татуированная балерина на груди стойко танцевала леденящее болеро, разбросав синие крылья, одетые в чешую змеиных перчаток, заслоняя собою сердце. Арктический холод вылизывал распятую демоническую наяду, как новорожденную снегурочку.

Солнце полдничало, уложив замороженные облака пастилой. В окнах отражалось стеклянное небо, осколками луча проходясь по глазам. Оцепеневший тополек будит от летаргического сна синичка. Бьется она по его прозрачным прожилкам, как сердечко.

Маленький тополь за синей рекой тянется к солнцу озяб-

шей рукой.

Хочет пробиться сквозь белые сны с дочерью вьюги к истокам весны.

Там, где снежинка из ласковых рук выпадет хрупким подснежником вдруг.

Аркаша, как мыло, настругивал на хлеб каменное сало. Процедура ланча аборигена разрежала цивилизованный глаз, как луковицу, выжимая каплю морозной слезы.

Демонстрируя из-за пазухи парфюмерный баллон антистатика, как продавец дефицитного товара, он угостил душевной гримасой, обнажая резцы. И, с невозмутимостью приступил к процедуре поиска алкогольных частиц в эфирной жидкости. Зажимая антистатик ладонью, как в тиски. Желтый ноготь скользил, отыскивая пульсирующую артерию, вонзая жало гвоздя в жестяной бок. Он зашипел ядовитой слюной. Как алхимик уверенно чародействовал, переливая в стеклянную емкость содержимое и добавляя по вкусу водянистой жижи. Термоядерная смесь заклокотала, выедавая кислотой прозрачный желудок банки. Он опрокинул в воронку рта, как расплавленное серебро. Словно монгол, истязаящий христианскую душу. Стеклоналивал оловом. Эфирный шок парализовал мозговую извилину поцелуем кураре, высасывая из нее слизистое содержимое.

Аркаша хлестал сатанинскую смесь, как минеральную язвенник, получая допинг, как пасть унитаза от щелочи. Флакон с антистатиком был пуст.

Ртутная целебная настойка питала творческим вдохновением. Добросовестно возвращая гибрид новой противоциррозной печени, закаляя ее дамасским методом.

Поползла дурмань по телу, наполняя глубоководное русло мертвой реки. Алкогольный наркотик, как вурдалак, присосался к горлу человечества, высасывая спинной мозг из обмякших конечностей. Выжигая мозги каленым дерьмом забвения. Окунается душа в подземный санаторий, принимая лечебные грязи. И полощется там, как портянка в дырявом сапоге, с оторванной подметкой счастья.

Верно-ли лукавили средневековые мудрецы, то что твердь земная на монолите черепаших панцирей зиждется и монументальных ногах-колоннах индусских слонов? Возможно, облака Средиземноморья и поддерживает атлант-культурист. Но небесную твердь Российской земли удерживает мозолистым горбом, пашущий на ней работяга. И текут реки синие в набухших венах земли под облаками – хлябями молочными.

Мороз зубами вгрызлся в костяные пальцы. Аркаша заколотил последний гвоздь в опалубку, как в гроб вогнал. И запахнув в фуфайку синюю татуированную наяду, согреть ее ребрами, как ребенка, шагнул в сторону, чтобы идти хромым шагом напролом, через пустырь и мороз, бросить замерзшую шкуру в лежбище. А на груди татуированная балерина, бегущая по волнам ледяного холода, несла его в далекий жаркий уголок души. Где уставшее тело могло изба-

виться от скрипящих сапог и просушить кожаные портянки, согреваясь, как у печки, прозрачной нежностью женщины-надежды, желанной хозяйки сердца. А она, сбросив волчью шаль, как ночную рубашку, оближет преданной лаской засыпающие глаза. Успокоив пушистых щенят под сердцем.

...Бегущая по волнам надежды...

Госпожа Надежда – солнцеликая фурия, манящая в постель за горизонт. Одета в голубую человеческую мечту. Проснулся и сам превратился в Эльфа. И полетел собирать астероидную пыльцу мечты. Где ты долгожданный звездный Маугли, раб ты на ошейнике или царь. Здесь ты Маленький принц Вселенной – король мечты.

Я посетил его логово.

– Проснись, а то замерзнешь, – я дотронулся до него, как до мертвого призрака. Он возвращался из миража. Влажные глаза пахли молодым студеным болотом, где зацветает изумрудным абрикосом бархатная ряска. Лепесток к лепестку. А коронованный лягушками уж венчается с белой лилией. Запуская под фату скользкий хвост...

Аркаша проглотил дым. Ржавыми пальцами растер папиросу. В ястребиной зенице струились медленным временем солнечные часы. Черная жилка на лбу вздрогнула, как секундная стрелка...

– Я давно замерз. И в этой жизни меня нет.

– Ты был женат?

– Нет... Кто я? Работяга с кайлом. Замусоленный леденец

на палочке – карамельная льдинка за пятак старушке.

Он рассмеялся. Прочищая горло туберкулезным кашлем.

– У души не бывает свадьбы. Она одинока.

Он лязгнул глазами, как отрезал. Словно волк, перегрыз лапу, попавшую в капкан.

Потом миролюбиво повернулся, подмигивая папиросой. И таинственно растворился, пуская искру из глаза.

За окном метель трепала бока сугробам. Я опустился на корточки, спиной разглаживая сырую штукатурку. Через собачий свитер, позвонками прослушивая простудившуюся стену.

Сварливая вьюга ломилась в стекло, разыскивая загулявшего Деда Мороза. За окном щедровала поземка, замечая серое небо сугробом. Земля провалилась в берлогу, где горячее тело слабо дышало жизнью, впадая в летаргическое оцепенение, вырвавшееся из снежного котла ледяной королевы.

Я повернулся к нему, стараясь завязать беседу:

– Это час зачатья Снегурочки... Да не застынет сердце от неудачи и потерь, не превратится в ртутную каплю льда, пока в нём теплится Надежда, Вера, Любовь...

А за стеклом, по белым дюнам, медленно двигался на восток караван завьюженных густых сумерек. Молодая луна сорвалась и покатила по черному туману. Ее засосала зыбкая ночь. Мороз превращал стужу в холодец. А ветер, глотнув пьяного воздуха, устроил разбой на большой дороге.

Аркаша почесал нос. Выглушил штоф своей мутно-ядо-

витой жидкости, как горло прополоскал, не выплёвывая.

– Слушай, земляк, мою сказку про Снегурочку.

И он начал свой рассказ. А передо мной, как мираж, проявлялись из темноты незнакомые мне силуэты... из его прошлого.

Лил дождь. Именно лил. Окуная землю в глубокое громокипящее небо. Автобус рассекал волну прозрачного шоссе, как моторная лодка. Струи воды с наслаждением полоскали его стекло, совершая торжественное омовение колес. Это была не холодная морозящая слякоть, когда молочные облака утратят нежность, а теплый июньский ливень, купающий захлеб детством.

Водопад, сползающий с горизонта, гипнотизировал пассажиров салона. А паренек-солдат, облюбовавший мятую ступеньку рядом с водителем, запустил свои глаза сквозь плену дождя босиком по лужам.

Вышколенный армейский китель был парадно расстегнут для горячей встречи, вольно заломленная на ухо фуражка подчеркивала неуставную торжественность.

Стараясь быть спокойным, он теребил нетерпеливыми пальцами блестящий портфель с ценными армейскими сбережениями.

– Вот он мой поселок, – указал через мутное стекло.

Водитель выжал брызги тормозами, раздавив лужу.

– Привет кинул он герою.

– Спасибо.

– Добежишь

– Рядом! – весело прокричал вслед уносящемуся ветру.

А дождь окатил его уже с головы до ног. По-братски, как в бане.

– Но ведь дома, – он засмеялся.

Темной точкой увидел остановившийся автобус.

...Дома его никто не встретил.

Он уверенно просунул ладонь в секретное место над дверью, там для него, мальчишки, отец прятал ключ на детском маленьком гвоздике.

– Все, как вчера.

Он вошел в дом. Сердца коснулась легкая, теплая волна и маленький котенок в душе шевельнул пушистым хвостиком. Он разулся. Вошел в свою комнату, окунувшись в прошлое. Повернулся к зеркалу. Снял китель.

– Ну, здравствуй, – сказал своему отражению.

Прошло полчаса. А заповедная тишина свято хранила тайну тех двух лет.

Он подошел к окну. Дождь остановился, вылизывая влажной тишиной воздух. И она брызнула чистым солнцем и певучим щебетом, стряхивая круглые капли с зеленых трепетных перышков. Плеснула тугим лучом в глаза сквозь все ветви вишен.

Он распахнул оконные рамы и вдохнул в себя теплые солнечные лучи. Пьянящая свежесть хлынула в лицо запахом юности.

Он подхватил старенький велосипед, на котором куролесил до армии и покатил по улице колесо. Выскочил на шоссе и погнал вперед, разбрызгивая скорость.

– Эй! – услышал за спиной голос.

– Ехай сюда.

Он соскользнул на обочину и заметил фигуру среди вишен и разросшейся дички. Подрулил ближе, ухватившись за глянцевую ветку. Бусинки капель испуганно сорвались вниз дружной стайкой.

Он увидел лицо с большими, как спелая черешня, глазами.

– А я тебя не узнала. Мы ехали в одном автобусе. А как дома? Рады? Впрочем, конечно же, да. Хорошо, когда ждут. И год, и два, и постоянно. И жизнь обретает осмысленность. Маленькая надеждинка в сердце – звездочка на небе. Все есть смысл.

Она указала наверх. Над головою, среди копошащихся листьев, отливаясь спелостью, подглядывали любопытные рубиновые ягоды, нанизанные ожерельями на прозрачные лучи.

– Видишь вон там вишню? Давай нагнем ее и съедим. – Она заговорчески прищурила глаз.

– Что ты молчишь? – живые глаза, отряхнувшись мокрыми ресницами, умывались синевой неба.

«Какие красивые голубые глаза», – подумал он, улыбаясь. Она уловила взгляд, пожала плечами.

– Дома меня никто не встретил, – сказал он.

– Никого нет. Но зато у меня есть много черешен. Ну, сколько на себе унесете.

– Ого! – Она рассмеялась. – Черешня в июне – это хорошо. – Наклонив голову, посмотрела на него. – Как тебя зовут, молодой юноша?

– Аркадий.

– А меня Стелла Николаевна. Впрочем, Стелла. Домой мне пора, Аркадий. Здесь я случайно.

– Мой транспорт к вашим услугам.

Он развернул велосипед.

– Одна лошадиная сила?

– Так точно, – он взбрыкнул педалями, поднимая сочную траву.

Она совсем походила на девчонку. Искренне радовалась и удивлялась, какие огромные вишни бывают на белом свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.